УДК 81.351
DOI 10.17516/2311-3499-086

КУЛЬТУРНЫЙ КОД И КОГНИТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ТЮРКСКОЙ КИРИЛЛИЦЫ

М.Д. Тагаев

Статья ставит задачей доказать на примере киргизского языка, что графика, которая установилась и действует в течение достаточного длительного времени в данном этническом коллективе в качестве способа хранения информации, выполняя когнитивные функции, становится неотъемлемой частью ментального состояния личностии, культурным кодом нации.
Данный вопрос рассматривается в историко-культурном аспекте, отражающем этапы реформирования графики киргизского языка, замены одной системы письма на другую. Предыдущие системы письма (арабица и латиница), действовавшие в течение относительно небольшого отрезка времени, остались чуждыми образу жизни и языковой картине мира, сложившейся у киргизов в послереволюционный период. В 20-ые годы киргизы совершили головокружительный скачок из средневековья в евразийскую реальность, представленную русским миром. Ценности мировой цивилизации, новые понятия и термины вошли в жизнь киргизов через русский язык и его графику, которая была принята в 1940 году и для киргизского языка.
Нынешняя реальность такова, что для современного киргиза смыслы и понятия окружающей действительности утвердились в кириллических знаках, которые продолжают оставаться формой языкового существования личности, а сама кириллица за 80-лет ее применения стала культурным кодом киргизской нации.
В этих условиях переход на латиницу вслед за другими странами Центральной Азии может иметь для Кыргызстана катастрофические последствия.
Ключевые слова и фразы: *графика; культурный код; когнитивные функции; кириллица; латиница; киргизский язык; русский язык; орфографирование; языковая и концептуальная картины мира; языковая личность.*

CULTURAL CODE AND COGNITIVE FUNCTIONS OF TURKISH CYRILLIC

M.D. Tagaev

Using the example of the Kyrgyz language the article aims to prove that the graphic that has been established and has been operating for a sufficiently long time in this ethnic group as a way of storing information, performing cognitive functions, becomes an integral part of the mental state of a person and the cultural code of a nation.
This issue is considered in the historical and cultural aspect, reflecting the stages of reforming the graphics of the Kyrgyz language and the replacement of one writing system with another. Previous writing systems (Arabic and Latin), that used to operate for a relatively short period of time, remained alien to the way of life and the linguistic picture of the world that prevailed among the Kyrgyz in the post-revolutionary period. In the 20s, the Kyrgyz made a dizzying leap from the Middle Ages to the Eurasian reality represented by the Russian world. The values of world civilization, new concepts and terms entered the life of the Kyrgyz through the Russian language and its graphics, which was adopted in 1940.
For the modern Kyrgyz, the meanings and concepts of the surrounding reality were established in Cyrillic characters, which continue to be a form of linguistic existence of a person, and the Cyrillic itself has become the cultural code of the Kyrgyz nation for 80 years of its use.
Under these conditions, the transition to the Latin alphabet after the example of other countries of Central Asia can have disastrous consequences for Kyrgyzstan.

Keywords and phrases: *graphics; cultural code; cognitive functions; Cyrillic; Latin; Kyrgyz language; Russian language; linguistic and conceptual worldview; linguistic personality.*

Введение

Графика – это своеобразный код, представленный системой условных знаков, при помощи которых информация кодируется на длительный срок отправителем и декодируется по мере необходимости получателем. Под культурным кодом понимается совокупность знаков, которая служат в качестве некоего ключа, обеспечивающего доступ к хранилищу интеллектуального богатства, накопленного данным национальным коллективом. При длительном использовании графика обретает свойства культурного кода нации, так как она позволяет хранить знания, традиции, обычаи, мифы и поверья прошлого, позволяет на базе имеющихся знаний добывать новые знания, осуществляя связь времен и поколений. Если одной и той же графикой пользуются носители разных языков и кодируют одним и тем же способом идентичные понятия и смыслы, то значительно облегчатся процессы передачи информации и взаимопонимания.

В настоящее время мы являемся свидетелями языковых реформ в Центральной Азии, когда страны одна за другой переходят от кириллицы к латинице. Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан уже в течение нескольких десятилетий пользуются латинской письменностью, а Казахстан заявил об этом и предпринял ряд шагов по направлению к этой системе графики. Насколько оправданы подобные решения, и стоит ли Кыргызстану идти по такому пути? Поиску ответов на эти вопросы на материале киргизской графики посвящена данная статья.

Из истории киргизской графики

Исторически так сложилось, что киргизский этнос вступил в 20 век как народ бесписьменный, хотя в 6−8 веках нашей эры он пользовался енисейско-орхонским алфавитом, который впоследствии был утрачен [Батманов 1948: 7].

Следовательно, к этому времени формой существования киргизского языка в основном была его устная разновидность. В работе С. Кудайбергенова описана история становления и этапы развития киргизской графики и орфографии [Кудайбергенов 1973]. Он отмечает, что письменные формы языкового существования киргизского языка на арабской графике стали возможными только с первой половины 19 века благодаря деятельности татарских, узбекских и уйгурских проповедников ислама, а первые публикации на киргизском языке датируются 1911 годом. Начиная с этого времени выходят в свет произведения акынов-письменников Молдо Кылыча, Молдо Нияза, Тоголока Молдо, Ысака Шайыбекова, Токторалы Талканбаева и др., которые известны в рукописях на старой арабской графике [Кудайбергенов 1973: 140]. Однако графика на арабице просуществовала недолго, всего 16 лет (с 1911 по 1927 годы), и не могла за столь короткий срок наработать и аккумулировать сколько-нибудь значимого запаса знаний о мире, поскольку большинство населения было неграмотным.

Пришедший ему на смену латинизированный алфавит киргизского языка, как пишет С. Кудайбергенов, «сыграл положительную роль в повышении грамотности населения Киргизии, однако и он уже не мог удовлетворять растущих потребностей киргизского литературного языка…» [Кудайбергенов 1973: 140−152]. Несмотря на громадную работу по ликвидации безграмотности, проведенную в 30-е годы прошлого столетия, число грамотных людей едва достигало 15%. В этих условиях говорить о накоплении достаточного багажа знаний на киргизском языке средствами латиницы также не приходится.

Отметим при этом, что какие бы основания о необходимости перехода на латиницу киргизского и других тюркских языков ни выдвигались (в их числе и критика арабицы как системы письма, не соответствующей строю тюркских языков), основной причиной был все же политический фактор. Как пишет А. Болпонова, «исходя из принципов марксизма, который был злейшим врагом религии, реформа языка осуществлялась только из стремления искоренить ислам как основную догму местного среднеазиатского населения» [Болпонова 2011: 58]. Она справедливо отмечает, что «изучая арабский язык, местное население приобщилось к

реализованному в нем складу мышления, строю умственных действий, что в итоге составило выработку среди этого народа наиболее общих принципов мыслительной деятельности» [Болпонова 2011: 59]. Иначе говоря, арабская графика в большей степени была приспособлена для отражения не научно-образовательной, а религиозной картины мира. Добавим также, что переход турецкого языка на латиницу в 1928 году, инициированный Мустафой Кемалем Ататюрком, был также продиктован политическими причинами – задачей построения светского государства.

Полагаем, графика становится культурным кодом нации и полноценно реализует свои когнитивные функции только тогда, когда созданная на ее базе письменность становится средством фиксации и накопления интеллектуального и культурного богатства нации, способом отражения концептуальной и языковой картины мира данного этнического коллектива. В этой связи ни арабица, ни латиница не могли претендовать на историческую роль культурного кода для киргизской нации.

Таким образом, отсутствие у киргизов многовековых установившихся письменных традиций не позволяло им систематически фиксировать, накапливать и планомерно наращивать объем знаний средствами киргизского языка. Это привело к недостаточной развитости собственных национальных научных традиций, ущербности концептуального пространства науки и производства на родном языке. Весь этот комплекс причин не давал возможности целенаправленно выстраивать научную картину мира и создавать соответствующие терминосистемы.

Вопросы межъязыковой транслитерации заимствований

Коренные изменения в концептуальной и языковой картине мира киргизов начали происходить с 30-х годов XX века, когда из русского языка и через русский язык в киргизский хлынул лавинообразный поток политической, научно-образовательной, технической информации, заимствовались термины и понятия из разных сфер человеческого знания, многие из которых доселе были малоизвестны простому человеку.

В этих условиях языковое сознание человека, шагнувшего из средневековья в современную жизнь, не могло на базе когнитивного механизма и ресурсов киргизского языка эффективно перерабатывать стремительно поступающий извне массив современных знаний о мире.

Обычно кристаллизация добываемых понятий и квантов знаний средствами родного языка, их номинация и орфографирование происходит под влиянием внутриязыковых факторов. Но в тех случаях, когда знания добываются и формируются в научно-образовательном пространстве иной культуры и представляются средствами другого языка, возникает вопрос об их межъязыковой смысловой трансляции и транслитерации средствами принимающего языка. В национально-культурных сообществах, где научная мысль имеет примерно одинаковый уровень развития и сложились свои национальные традиции, как правило, заимствованные термины и понятия включаются в терминологическую систему, подчиняясь и адаптируясь к нормам принимающего языка. Например, *a computer – компьютер, driver – драйвер, website – сайт, publicity – паблисити, brand – брэнд.*

Картина другого рода наблюдается в тех культурах, где собственные научные традиции и терминологические системы возникли относительно недавно под непосредственным воздействием контактирующих научно-образовательных и гуманитарных пространств. В этом случае заимствуемые термины, особенно в новых областях знания, как бы «повисают» в воздухе из-за отсутствия концептуального пространства соответствующей области знания, представленной на языке данного этнического коллектива. Иначе говоря, отсутствует стройная терминосистема, в которую должны включиться термины из другого языка.

В этой ситуации возникает проблема межъязыковой транслитерации, которую впервые поднял К. Тыныстанов в 1937 году: «Только образованный киргиз, который хорошо знает русский язык и его орфографию, может правильно передать и форму, и произношение русских слов. А те, кто хорошо не знает русского языка и его орфографию, всегда будет нарушать и форму начертания, и норму произношения.

Таковы сущности основных недостатков современной киргизской орфографии в области правописания русских и принимаемых через русский язык интернациональных слов.

1. [Правописание…] Русских слов, с давних пор вошедших в киргизский язык и сильно изменивших свои первоначальные формы, писать так, как они звучали и звучат в киргизском произношении (напр. *sot, sapaz, tyrmө* и т.п.). Такие слова, как например, *galgoz, sapgoz, selsabet,* вошедшие после революции и заменившие свои отдельные звуки близкими к себе звуками киргизского языка, писать согласно их русским начертаниям. Напр., *kolxoz, sovxoz, selsovet* и т.д.» [Тыныстанов 1937].

К 30-м годам XX века пласт освоенных фонетически киргизским языком слов из русского языка был незначительным. Однако К. Тыныстанов прекрасно осознавал роль заимствований из русского языка в различных сферах деятельности киргизов и предвидел, что поток таких слов с течением времени будет стремительно возрастать. Чтобы сохранить интертекстуальные и когнитивные отношения между концептуальными пространствами языка-источника и принимающего языка, К. Тыныстанов предлагает орфографировать заимствованные слова «согласно их русским начертаниям».

Данный принцип орфографирования слов, заимствованных из русского языка, был поддержан И.А. Батмановым и К.К. Юдахиным и использован применительно к новой системе графики киргизского языка на кириллице, принятой в 1940 году. И.А. Батманов писал, что «Новая орфография должна открыть для киргизского языка:

1) возможность для скрещивания с другими культурно влияющими языками для обогащения его советизмами и интернациональными терминами;

2) учесть и санкционировать (благодаря скрещиванию с другими языками) в киргизском языке сдвиги в области фонетики, морфологии и синтаксиса» [Батманов 1940].

В проекте «Новый алфавит и орфография киргизского языка», подготовленном в 1940 году Научно-исследовательским институтом киргизского языка и письменности, намечалось установить «единое написание в киргизском и русском языках советских и интернациональных слов, как и единые принципы использования букв русского алфавита для киргизского и русского языков» [Новый алфавит… 1940] для того, чтобы «по возможности построить систему алфавита так, чтобы слова, общие для русского и киргизского языков, имели одинаковое написание, чтобы не затруднить изучение русского языка для киргиза и киргизского для русских, и не создавать разнобоя в написании советских и интернациональных слов» [К переходу на русский… 1940].

Кириллица как культурный код киргизской нации

Если рассмотреть вопрос не только с утилитарной точки зрения, касающейся роли орфографии для практического овладения русским или киргизским языками, и осмыслить его с когнитивной точки зрения, значение данного принципа для познания киргизами глобальной концептуальной и научно-образовательной картины мира и приобщения к мировой цивилизации трудно переоценить. Одинаково орфографируемые с русскими написаниями заимствования дополнили концептуальную и языковую картину мира киргизов, а сама кириллица стала одним из кодов культуры киргизской нации.

«Коды культуры, как пишут специалисты, – это специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [Маслова, Пименова 2016: 3−12]. Благодаря кириллической системе письма киргизский язык стал поистине вербальной сокровищницей нации, подытожив и вобрав в себя ценности прошлого, включив достижения настоящего, а кириллица стала одним из главных национальных культурных кодов киргизского народа, под которым нами понимается особый механизм и способ переосмысления и трансляции знаний из одной культуры в другую. Кириллическое письмо стало своеобразным мостиком между научно-образовательным и культурными пространствами русского и киргизского миров, облегчающим киргизскому языку как когнитивному механизму (благодаря сходству орфографирования слов и терминов)

перерабатывать информацию, закреплять ее в форме таких смысловых квантов знания, которые естественно укладываются в ячейки национально-культурной матрицы языкового сознания киргиза [Тагаев 2017; Tagaev 2019].

Кириллица русского языка как код культуры играет не только для киргизского, но и для всех тюркских народов постсоветского пространства роль медиума, т.е. такого цивилизационного котла, в недрах которого знания и ценности мировой культуры перевариваются и адаптируются к условиям и потребностям постсоветского евразийского пространства. Благодаря этим процессам в обыденном метаязыковом сознании носителей киргизского языка окружающий мир получает концептуализацию в терминах, понятиях, смыслах и категориях, представленных кириллическими знаками. Одинаковые с русским языком формы орфографирования и звучания слов, терминов создают интертекстуальную связь между научно-образовательными и концептуальными пространствами русского и киргизского языков, обеспечивают работу взаимных неравнозначных информационных потоков, благодаря чему происходит постоянное обогащение ресурсной базы знаний киргизского языка.

Однако в последние годы предпринимаются некоторые попытки реформы киргизской графики. Одной из них является предложение убрать из киргизской графики буквы, обозначающие заимствованные фонемы, которые, по мнению некоторых специалистов, нарушают природную гармонию киргизской речи. К таковым относят некоторые согласные буквы, используемые только в заимствованных словах, йотированные гласные буквы, разделительные знаки и знаки смягчения. К чему приведет такая реформа нетрудно догадаться.

По данным орфографического словаря киргизского языка, наблюдается следующее соотношение заимствований, в составе которых имеются согласные фонемы, которые не встречаются в исконно киргизских словах [Карасаев 2009].

Фонемы и их буквенные обозначения				
Ц	**Ф**	**Щ**	**В**	**Х**
2830	4466	156	5557	1711
Всего 14720 слов				

Таким образом, в словарном составе киргизского языка имеется 14720 слов, в написании которых имеются буквы, которые не используются в исконно киргизских словах.

При этом важно заметить, что большинство таких написаний составляют термины и понятия, образующих ядро научной картины мира каждого образованного киргиза. Если же убрать эти согласные буквы из киргизской графики, лишив ее при этом и йотированных гласных (Яя, Юю, Ёё, Ее), смягчающего (ь) и разделительного (ъ) знаков, то языковая и научная картина мира на киргизском языке будет оторвана от русской науки, а информационные потоки и интертекстуальные связи будут оборваны. Сравните, мы вместо слова *конференция* должны будем писать на киргизском языке *конпэрэнсыйа*, *вакцинация – баксынасыйа*, *функция – пунксыйя.* В результате такой транслитерации неизбежно возникнут помехи, которые ограничат передачу полезного сигнала в передаче информации, в результате чего когнитивный механизм киргизского языка начнет давать сбои [Осокин, Мальчугов 2014].

Другая реформа связана с переводом киргизской графики на латиницу. Главными аргументами в пользу такого решения явились два постулата, выдвигаемые реформаторами: 1) латиница является способом приобщения к единому тюркскому миру; 2) латиница облегчает изучение английского языка.

Причем, под тюркским миром в первую очередь имеется в виду усиленно продвигаемая турецкой стороной идея об интеграции постсоветских тюркоязычных народов в один актант мировой политики при ведущей роли турецкого этноса [Парубочная. URL: http://www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/35.html], что выдвигает на первый план языковую картину мира, представляемую турецким языком и культурой. Однако эта идея во многом

иллюзорная, поскольку языковая картина мало привязана к формальному механизму языка, каким является его типологическое устройство. Доказывается это тем обстоятельством, что, с одной стороны, носители разных языков могут иметь сходные образы мира и, наоборот, говорящие на типологически близких языках имеют разные картины мира.

Между тем языковая картина мира формируется в основном на базе лексических единиц, отличающихся своей подвижностью, свойством оперативно отражать приходящие и уходящие реалии окружающего мира, переходить из одного языка в другой. В результате таких заимствований вносятся значительные изменения в концептуальную и языковую картину мира принимающего языка.

Хотя турецкий и киргизский языки близки по своему происхождению и типологическому устройству, они в отношении представляемых языковых картин мира значительно отдалились друг от друга, так как в ходе культурно-исторического развития киргизы и турки в течение значительного времени не имели между собой тесных связей. В словарях киргизского языка почти не встречаются непосредственные заимствования из турецкого языка.

Тезис о том, что латиница способствует изучению английского языка также не выдерживает серьезной критики. А.А. Реформатский, говоря об обучении произношению неродного языка, писал, что «самое опасное − это ориентировка на кажущиеся “схожести”: они почти всегда провокационны, и их-то и надо больше всего бояться, а причина мнимости этих “схожестей” − в идиоматичности языков» [Реформатский 1970: 515]. В самом деле, обозначение одними и теми же буквами фонем разных языков не помогает, а наоборот, мешает процессу обучения неродному языку. Например, буква **t** может быть использована для обозначения кажущихся сходными звуков киргизского и английского языков. В киргизском языке [t] звук смычный, взрывной, *зубной*, а в английском − смычный, взрывной, *альвеолярный*. Значит, их произношение разное.

Заключение

Введение латинской графики для киргизского языка грозит огромной катастрофой, а именно: сведет к нулю накопленное интеллектуальное богатство, создаст цивилизационный разлом между поколениями. Почти за 80-лет использования киргизской кириллицы к сегодняшнему дню киргизский народ имеет огромное интеллектуальное богатство нации в форме художественной, научной, технической литературы в фондах различных библиотек, многочисленные учебники для общеобразовательных школ, средних и высших учебных заведений. Кириллицей представлены газеты и журналы в Кыргызстане, киргизский Интернет и социальные сети. Это дало основание президенту КР С.Ш. Жээнбекову отметить, что «культурный и научный потенциал нашей страны достиг определенных успехов в условиях, когда он опирался на кириллицу» [Жээнбеков 2019].

А главное, страна имеет высокообразованное население, для которого окружающий мир утвердился в понятиях и категориях, закрепленных на письме кириллическими знаками.

Таким образом, кириллица стала для жителей Кыргызстана формой языкового существования (М. Гаспаров), культурным кодом нации и способом познания мира.

Литература

Батманов И.А. Принципы орфографии киргизского языка // Киргизский филиал АН СССР, Труды института языка, литературы и истории. Фрунзе, 1948. Вып. 2. С. 80–87.

Батманов И.А. Принципы построения киргизской орфографии. Рукопись № 220, 1940. НИИКЯП (Научно-исследовательский институт киргизского языка и письменности).

Бопонова А. К. Тыныстанов – ученый и государственный деятель Кыргызстана. Каракол: ИГУ, 2011. 178 с.

Жээнбеков против перевода киргизского алфавита на латиницу [Электронный ресурс] // Sputnik Кыргызстан / Russian. 2019. URL: https://clck.ru/LGL8H (дата обращения: 18.11.2019).

К переходу на русский алфавит. Рукопись № 227, 4 июня 1939 г. НИИКЯП (Научно-исследовательский институт киргизского языка и письменности).

Карасаев Х.К. Кыргыз тилинин орфографиялык сөздүгү. 80000 сөз. Бишкек, 2009. 640 с.

Кудайбергенов С. Орфография киргизского языка // Орфографии современных тюркских литературных языков. М.: Наука, 1973. С. 140–144.

Маслов В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта, Наука, 2016. С. 3–12.

Нарожная В.Д. Национальные коды в межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 3. С. 45–56. URL: https://clck.ru/LGLKG (дата обращения: 18.11.2019).

Новый алфавит и орфография киргизского языка. Рукопись № 221, 28 сентября 1940 г. НИИКЯП (Научно-исследовательский институт киргизского языка и письменности).

Реформатский А.А. Фонология на службе обучения произношению неродного языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М.: Наука, 1970. С. 506–515.

Тыныстанов К. Об основных недостатках киргизской орфографии. Рукопись №187, 1937. НИИКЯП (Научно-исследовательский институт киргизского языка и письменности).

Осокин А.Н., Мальчуков А.Н. Теория информации. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014. 206 с.

Парубочная Е.Ф. Интеграция тюркского мира на современном этапе [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 6. Ч. 1. С. 147–151. URL: http://www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/35.html (дата обращения: 18.11.2019).

Тагаев М.Дж. Диалог языков и культур (на материале культурно-языковых пространств киргизского и русского языков). Бишкек: Изд-во КРСУ, 2017. 240 с.

Tagaev M.D., Protassova E.U. Russian language in Kyrgyzstan Status, functioning, and collisions between languages // Mustajoki A., Protassova E., Yelenevskaya (Toimittajat) M. The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies. Abingdon: Routledge, 2019, pp. 134–140.

References

Batmanov I.A. Principy orfografii kirgizskogo jazyka [The principles of spelling the Kyrgyz language]. *Kirgizskij filial AN SSSR, Trudy instituta jazyka, literatury i istorii* [*Kyrgyz branch of the USSR Academy of Sciences, Proceedings of the Institute of Language, Literature and History*], Frunze, 1948, issuer 2, pp. 80–87.

Batmanov I.A. Principy postroeniya kirgizskoj orfografii [The principles of construction of the Kyrgyz spelling]. Rukopis' no 220, 1940. NIIKYAP (Nauchno-issledovatel'skij institut kirgizskogo yazyka i pis'mennosti).

Boponova A. K. Tynystanov – uchenyj i gosudarstvennyj deyatel' Kyrgyzstana [Tynystanov – scientist and statesman of Kyrgyzstan]. Karakol, IGU Publ., 2011. 178 p.

ZHeenbekov protiv perevoda kirgizskogo alfavita na latinicu [Jeenbekov against the translation of the Kyrgyz alphabet into Latin]. *Sputnik Kyrgyzstan / Russian*. 2019. Available at: https://clck.ru/LGL8H [accessed: 18.11.2019].

K perekhodu na russkij alfavit [To the transition to the Russian alphabet]. Rukopis' no 227, 4 iyunya 1939 g. NIIKYAP (Nauchno-issledovatel'skij institut kirgizskogo yazyka i pis'mennosti).

Karasaev H.K. Kyrgyz tilinin orfografiyalyk sөzdүgү. 80000 sөz [Kyrgyz tilinin spelling lyk sөzdүg. 80,000 sөz]. Bishkek, 2009. 640 p.

Kudajbergenov S. Orfografiya kirgizskogo yazyka [Spelling of the Kyrgyz language]. *Orfografii sovremennyh tyurkskih literaturnyh yazykov* [*Spelling of modern Turkic literary languages*]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 140–144.

Maslov V.A., Pimenova M.V. Kody lingvokul'tury [Codes of linguistic culture]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2016, pp. 3–12.

Narozhnaya V.D. Nacional'nye kody v mezhkul'turnoj kommunikacii [National codes in intercultural communication]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2019, no 3, pp. 45–56. Available at: https://clck.ru/LGLKG [accessed: 18.11.2019].

Novyj alfavit i orfografiya kirgizskogo yazyka [The new alphabet and spelling of the Kyrgyz language]. Rukopis' no 221, 28 sentyabrya 1940 g. NIIKYAP (Nauchno-issledovatel'skij institut kirgizskogo yazyka i pis'mennosti).

Reformatskij A.A. Fonologiya na sluzhbe obucheniya proiznosheniyu nerodnogo yazyka [Phonology in the service of learning the pronunciation of a foreign language]. *Reformatskij A.A. Iz istorii otechestvennoj fonologii. Ocherk. Hrestomatiya* [*Reformatsky A.A. From the history of domestic phonology. Feature article. An anthology*], Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 506–515.

Tynystanov K. Ob osnovnyh nedostatkah kirgizskoj orfografii [On the main shortcomings of the Kyrgyz spelling]. Rukopis' no 187, 1937. NIIKYAP (Nauchno-issledovatel'skij institut kirgizskogo yazyka i pis'mennosti).

Osokin A.N., Mal'chukov A.N. Teoriya informacii [Information theory]. Tomsk,Tomskogij un-t Publ., 2014. 206p.

Parubochnaya E.F. Integraciya tyurkskogo mira na sovremennom etape [Integration of the Turkic world at the present stage]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [*Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*], Tambov, Gramota Publ., 2016, no 6, part 1, pp. 147–151. Available at: http://www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/35.html [accessed: 18.11.2019].

Tagaev M.Dzh. Dialog yazykov i kul'tur (na materiale kul'turno-yazykovyh prostranstv kirgizskogo i russkogo yazykov) [Dialogue of languages and cultures (based on the material of the cultural and linguistic spaces of the Kyrgyz and Russian languages)]. Bishkek, KRSU Publ., 2017. 240 p.

Tagaev M.D., Protassova E.U. Russian language in Kyrgyzstan Status, functioning, and collisions between languages. *Mustajoki A., Protassova E., Yelenevskaya (Toimittajat) M. The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies*, Abingdon, Routledge, 2019, pp. 134–140.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Тагаев Мамед Джакыпович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Киргизско-Российский Славянский университет
Кыргызстан, 720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44
E-mail: krsu@krsu.edu.kg

ABOUT THE AUTHOR:

Tagaev Mamed Dzhakypovich, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department
Kyrgyz-Russian Slavic University
44 st. Kiev, Bishkek 720000 Kyrgyzstan
E-mail: krsu@krsu.edu.kg